

Круглый стол “Социальная напряженность и протестная активность: взгляд социологов”

(22 сентября 2017 года, Институт социологии НАН Украины)

На круглом столе выступили Ирина Бекешкина — старший научный сотрудник Института социологии НАН Украины, директор Фонда “Демократические инициативы им. И.Кучерива”, Петр Бурковский — заведующий отделом развития политической системы Национального института стратегических исследований, Елена Злобина — заведующая отделом социальной психологии Института социологии НАН Украины, Николай Шульга — заместитель директора Института социологии НАН Украины, Александр Резник — главный научный сотрудник Института социологии НАН Украины.

Основными тематическими вопросами для обсуждения были следующие:

- Как население оценивает общий уровень напряженности в обществе?
- Между какими социальными группами возможны острые конфликты?
- Какие социальные проблемы в наибольшей степени приводят к росту напряженности?
- Кто своими действиями (бездейтельностью) больше всего влияет на ухудшение ситуации в стране?
- Кто и почему готов протестовать?
- Решение каких проблем больше всего будет способствовать снижению напряженности в обществе?
- Какие общественные предохранители сдерживают взрыв эмоций, бурлящих в обществе?

Приводим основные эмпирические результаты общенациональных опросов, представленных участниками, а также их авторские материалы по тематике круглого стола, подготовленные для публикации.

Прежде всего следует отметить, что уровень напряженности в обществе большинство населения (61%) оценивает как высокий (крайне высокий — 23%; выше среднего — 38%), а по десятибалльной шкале (1 — “ситуация спокойная”, уровень напряженности очень низкий, 10 — “ситуация критическая, взрывоопасная”, уровень напряженности крайне высокий) средний балл напряженности составляет 6,79.

В то же время общая оценка населением ситуации в стране за последние три года существенно не изменилась. Разве что чуть возросло, по сравнению с прошлым годом, количество тех, кто готов терпеть ухудшение уровня жизни ради осуществления реформ (в 2016-м таких было 33%; в 2017-м — 39%; а доля тех, кто не готов терпеть, в 2017-м составляла 50% (это на 10% меньше, чем в прошлом, 2016 году).

Подавляющее большинство населения (68%) главным фактором роста напряженности называет продолжение боевых действий на Востоке Украины, но основную ответственность за усиление напряженности возлагает на власть (74% считают, что более всего своими действиями / бездейтельностью влияют на ухудшение ситуации в стране президент, правительство, парламент, 52% склонны обвинять в этом политиков, 42% — олигархов).

При этом снижение социальной напряженности, по мнению большинства, должны главным образом обеспечить действия власти (62% ожидают наибольшего эффекта от действенной борьбы с коррупцией во властной верхушке страны, 40% — от реального прогресса в ситуации на Донбассе) и в меньшей степени — усиление общественного контроля за действиями этой власти (25%). Ни назревшие изменения во власти (внеочередные выборы, отставки правительства и т.п.), ни протесты населения не считаются действенными факторами уменьшения социальной напряженности, хотя оценка ситуации в политической сфере преимущественно негативная (напряженной ее считают 57%, критической — 32%).

На фоне таких настроений в 2017 году зафиксировано снижение вероятности возникновения массовых протестов и готовности к непосредственному участию в них по сравнению с 2014–2016 годами (настроены принимать участие в протестах 21%, не готовы участвовать — 56%; наименьшую готовность выразили жители Донбасса — 11%).

И действительно, общая доля людей, принимавших участие в протестных мероприятиях, в текущем году едва достигла 15%.

Интересно, что анализ экономической дифференциации участия в протестных мероприятиях продемонстрировал следующее: социальная напряженность среди малообеспеченных слоев возникает на почве обнищания, нехватки элементарных условий для жизни, тогда как политические проблемы вызывают напряженность среди материально благополучных слоев населения.

ИРИНА БЕКЕШКИНА, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела социально-политических процессов Института социологии НАН Украины

Может ли социология прогнозировать протесты?

Исследование перспектив протестов относится, пожалуй, к наиболее “востребованным” практикой социологических измерений. Казалось бы, чем выше готовность граждан к проявлению протеста, тем выше вероятность его реального появления и масштабности.

Но в действительности сравнение уровня протестных настроений и реальных протестов свидетельствует об отсутствии прямой корреляции.

Мониторинговое исследование протестных настроений, которое Институт социологии НАН проводит с 1998 года, демонстрирует парадоксальные результаты. Самый высокий уровень готовности к проявлению протеста пришелся на 1998 год, когда экономика достигла дна и зарплаты порой не выплачивались годами. В тот год 37% опрошенных считали, что в стране вполне возможны массовые выступления населения, а 35% выразили готовность лично участвовать в этих акциях. Эти данные о готовности к протестам хорошо коррелируют и с другим показателем из Мониторинга — Индексом дестабилизационного протестного потенциала (ИДПП), который рассчитывался на основе экспертных оценок. В 1998-м ИДПП составлял 4,2 балла (при “критической точке”, определенной в 4,4 балла). Измеренный в Мониторинге с использованием 20 вопросов Интегральный уровень социального самочувствия (ИИСС) в 1998 году тоже был наихудшим за все годы измерения — 33,7

балла (при среднем значении в 40 баллов). Показатель доверия к президенту составляет 10%, к Верховной Раде и правительству — 7%.

То есть, казалось бы, налицо “революционная ситуация” — “жизнь невыносима, власть отвратительна”. Однако были ли в тот год массовые протестные акции? Локальные, особенно против невыплаты зарплат — да, были, масштабных не было.

А вот в 2004-м, накануне Оранжевой революции, показатели, которые фиксируют протестные настроения, были отнюдь не максимальными. Экономика шла вгору, Индекс социального самочувствия вырос и составлял 37,3 балла, а Индекс дестабилизационного протестного потенциала, наоборот, упал в полтора раза — до 2,6 балла. Возможность массовых выступлений населения весной 2004 года считали вероятной 22% населения и еще 28% были готовы принять участие в этих акциях.

Одним словом, все социологические показатели, которые могли свидетельствовать о вероятности возникновения массовых протестов, в 2004-м были гораздо ниже, чем в 1998 году. Тем не менее Майдан, Оранжевая революция произошла именно в 2004-м. Почему? Потому что для массовых протестов помимо соответствующих настроений населения нужны еще дополнительные условия.

Первое — это должен быть толчок, событие, которое возмутит одновременно массу людей и выведет их на улицу. В 1998 году такого события не было. В 2004 году это была фальсификация выборов, на которые по крайней мере половина граждан страны возлагала большие надежды. Фальсификация, связанная с грубой избирательной кампанией и с многочисленными зафиксированными нарушениями в день выборов и подтвержденная экзит-поллом.

Второе условие — это наличие лидеров, которым люди доверяют и которые могут возглавить протесты. В 1998 году, согласно с Мониторингом, всего 15% населения видели политических лидеров, способных руководить страной, весной 2004 года этот процент возрос до 28%, а весной 2005 года достиг небывалых ранее (да и позже) 50%. Этим лидером считали Виктора Ющенко.

Третье условие — протесты должны быть нацелены на конкретный результат. В 2004 году это должны были быть перевыборы второго тура и, разумеется, следующим Президентом хотели видеть Виктора Ющенко.

Интересный факт: после Оранжевой революции, весной 2005 года протестные настроения усилились: 35% населения допускали возможность массовых выступлений протеста и 35% были готовы участвовать в них. Но по-настоящему важных протестов не было. Существенный рост протестных настроений произошел и после Революции Достоинства, в 2014 и 2015 годах. Скорее всего, это было связано с усилением уверенности людей в своих силах и в том, что протесты могут быть успешными.

Насколько универсален предложенный механизм возникновения массовых протестов: высокая готовность — событие, которое одновременно возмущает граждан — наличие политических лидеров, пользующихся доверием участников протестов — реальный результат, который может быть достигнут в ходе протестов?

Рассмотрим Майдан-2, Революцию Достоинства. Конечно, ни одно историческое событие не может быть простым повторением другого. Но и общего с ситуацией 2004 года немало. Протестные настроения летом 2013 года

были самыми низкими за все время опросов: 20% населения допускали возможность массовых выступлений и 22% высказывали готовность лично принять участие в этих акциях. Еще осенью 2013 года, кажется, ни один из экспертов не прогнозировал массовых акций протеста. Отказ Януковича подписать Соглашение об Ассоциации с ЕС привел к появлению Евромайдана. Однако он не был многочисленным и вскоре начал сворачиваться. Причиной, которая вытолкнула массу людей в едином порыве на Майдан, стало избиение студентов, что было показано по всем телеканалам на всю страну. С лидерами было чуть по-другому, чем на Оранжевом Майдане: Майдан-2013 на первых порах организовывался стихийно, общественными активистами. Политические лидеры приобщились очень быстро, и хотя не руководили Майданом, тем не менее везде его представляли. Доверие к лидерам оппозиции было высоким: в декабре 2013 года Порошенко доверяли 45% населения Украины, Кличко — 48%, Яценюку — 40%. А среди тех, кто поддерживал Майдан (50% населения страны), доверие к этим лидерам было значительно выше. Желаемый результат протестов тоже был очевиден: прежде всего — отставка Януковича и досрочные выборы.

Таким образом, все указанные условия для возникновения массовых протестов были налицо.

Насколько вероятен Майдан-3, о котором сейчас много говорят? Ожидания со стороны населения вероятности протестов летом 2017 года (26%) были значительно ниже, чем в 2014 (35%), 2015 (36%) и 2016 (29%) годах. Аналогично готовность лично принимать участие в протестных акциях снижается (30% в 2014 году, 25% в 2015, 27% в 2016 и 21% в 2017). Впрочем, как свидетельствуют оба Майдана, массовые протесты совсем не обязательно возникают на подъеме протестных настроений. Более того, даже относительно низкий уровень готовности людей протестовать следует определить как достаточно высокий. Ведь в протестных акциях обоих Майданов, согласно данным опросов, участвовали 15% взрослого населения.

Гораздо важнее рассмотрение трех других предпосылок возникновения протестов. Разумеется, предвидеть событие, способное одновременно возмутить граждан, чрезвычайно трудно. Замечу, что такие очевидные причины, как обесценивание втрое гривни и значительное повышение коммунальных тарифов, не привели к ожидаемым массовым протестам.

Теперь по поводу лидеров: есть ли те, кто способен повести людей за собой? Сейчас нет лидера, который бы имел не только положительный баланс доверия, но и просто относительно существенный уровень. Потребность в новых политических лидерах ощутима, и время от времени появляются претенденты на роль возможных лидеров протеста (а именно Михеил Саакашвили или Надежда Савченко), но они быстро теряют кредит доверия.

Теперь о желаемых результатах протестов. Можно ли ожидать, скажем, снижения коммунальных тарифов? Очевидно, нет. Если речь идет о требованиях досрочных выборов, то, опять-таки, нет ни политика, ни политической силы, которая бы имела сейчас массовую поддержку со стороны населения (как во времена обоих Майданов). Электоральные рейтинги, если подсчитать относительно всего населения, даже у лидеров не превышают 10–12%.

Хотя нельзя отрицать возможности появления “черного лебедя” — непредвиденного события или ситуации, которая сможет изменить ситуацию. Но это уже за рамками социологических прогнозов.

ЕЛЕНА ЗЛОБИНА, доктор социологических наук, заведующая отделом социальной психологии Института социологии НАН Украины

Социальная напряженность: новые подходы к операционализации против старых теоретических схем

Тема социальной напряженности занимает особое место в социологическом дискурсе. С одной стороны, она достаточно хорошо разработана, особенно в конфликтологической парадигме (Л.Козер, Р.Дарендорф) и в исследованиях социальной аномии (Р.Мертон). С другой — такие теоретические корни способствовали тому, что социальную напряженность рассматривали преимущественно как побочный конструкт, используемый для объяснения других социальных процессов. Это хорошо заметно даже в определении понятия, которое содержится в Кратком энциклопедическом социологическом словаре. Социальную напряженность трактуют как состояние, возникающее в обществе в результате воздействия дестабилизирующих факторов и проявляющееся в росте негативных социальных настроений и деструктивного поведения, чреватого опасностью социального “взрыва”, разрушения определенных социальных структур или всего общества¹. Фактически речь идет о сугубо субъективном феномене, который воплощается в ощущениях массовой неудовлетворенности жизнью, недоверия, тревоги, страха и т.п. и, в конечном счете, активизирует в социуме как конструктивные, так и деструктивные действия разных социальных групп. Несмотря на такое субъективное наполнение сами субъекты при данном подходе рассматриваются преимущественно как носители состояния напряженности, за которым стоят “реалистические конфликты” (Л.Козер).

Перечень источников напряженности довольно разнообразный и определяется исследователями в зависимости от конкретной ситуации в стране в определенный период. Скажем, Н.Каквани и М.Нери, исследуя социальную напряженность в Бразилии в течение 1992–2012 годов, выстраивают ее в координатах: высокое неравенство, бедность, уменьшение среднего класса и усиление поляризации, рост нестабильности, усложнение социальной мобильности². А.Шарма, рассматривая проблему управления социальной напряженностью в индийском обществе, открывает целую панораму социальных, экономических, политических, религиозных, этнических источников напряженности³, на фоне которых украинский контекст выглядит почти пасторальным.

Не менее разнообразными и одновременно довольно сильно специфицированными, исходя из национального контекста, выглядят источники напряженности, воплощаемые в страхах населения. Американцы, например, по данным 2017 года, больше всего боятся коррупции (74,5%) и медицинской реформы Трампа (55,3%). А вот на следующих позициях экологиче-

¹ Цит. по: Соціологія: короткий енциклопедичний словник / Уклад.: В.І.Волович, В.І.Тарасенко, М.В.Захарченко та ін.; за заг. ред. В.І.Воловича. — Київ, 1998.

² On Measuring Social Tensions: With Applications To Brazil. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.compasso.com.br/docs/Social_tension_final.pdf.

³ Sharma A. Social Tension & its Management // Gandhi Marg. — Vol.26. — 2004. — No 2. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.mkgandhi.org/articles/social_tension.htm.

ские страхи, которые раньше никогда не попадали в 10 сильнейших — загрязнение океана, рек и озер (53,1%) и загрязнение питьевой воды (50,4%), что, по мнению авторов исследования, связано с политикой администрации Трампа, направленной на приостановление действия основных законов о загрязнении окружающей среды¹. А вот немцы боятся террора (71%), политического экстремизма (62%) и усиления напряженности из-за массового наплыва иностранцев (61%)².

Последняя позиция довольно показательна, ибо фактически высвечивает ситуацию социальной напряженности под несколько непривычным углом зрения. С одной стороны, перед нами страхи, которые исследователи истолковывают как субъективное проявление социальной напряженности, а с другой — общество испытывает страх именно перед ростом напряженности как таковой. И тут встает вопрос о необходимости расширить угол зрения, под которым исследуется феномен напряженности. Речь идет о том, что социальная напряженность не только оформляется во внутренние переживания субъектов, но и существует для них как внешний феномен, как общественное состояние, независимое от их собственных оценок и ожиданий. В терминах социального конструирования реальности социальная напряженность реифицируется и приобретает для населения объективируемый характер. Соответственно, и координаты исследования должны учитывать это измерение социальной напряженности.

Исходя из этих соображений, обращение к самим респондентам по поводу их оценки состояния напряженности в обществе оказывается фактически единственным путем выяснить, насколько интенсивен внешний фон, создаваемый ситуацией социальной напряженности. Для этого можно применять разные инструменты, от традиционного опроса до использования возможностей оперирования big data, как это сделали исследователи из Нидерландов, применившие количественный анализ ежедневных высказываний пользователей Twitter, которые передают позитивные и негативные чувства и могут служить индикатором социальной напряженности³.

По моему мнению, феномен длительной напряженности, которая сопровождает радикальные общественные преобразования, может быть отображен в общей оценке общественной ситуации в координатах *спокойная — напряженная — критическая*. При этом в массовом сознании специфически сочетаются признаки системной напряженности, проявляющейся в постоянной дестабилизации социальной ситуации в различных сферах, и субъективной напряженности, которая рутинизирует это состояние общественного кризиса, определяя его как “беспорядок”, “хаос” и т.п. Попытка исследования этого

¹ America's Top Fears 2017. Chapman University Survey of American Fears. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://blogs.chapman.edu/wilkinson/2017/10/11/americas-top-fears-2017/>.

² Presseinfo: Ergebnisse der Ängste-Studie 2017. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.ruv.de/presse/aengste-der-deutschen/presseinformation-aengste-der-deutschen-2017>.

³ Social tension indicator based on social media. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.cbs.nl/en-gb/our-services/innovation/project/social-tension-indicator-based-on-social-media>.

измерения общественной напряженности была предпринята в ежегодном мониторинговом опросе Института социологии НАНУ летом 2017 года.

Респондентам предлагали охарактеризовать уровень напряженности в обществе на текущий момент по десятибалльной шкале (от 1 — “ситуация спокойная”, уровень напряженности очень низкий, до 10 — “ситуация критическая, взрывоопасная”, уровень напряженности крайне высокий). Такая формулировка позволяла увидеть, какие факторы оказывают самое большое влияние на оценку интенсивности социальной напряженности.

Не останавливаясь на содержательном анализе выделенных факторов социальной напряженности, рассмотрим полученные данные под углом зрения эффективности известных теоретических схем объяснения социальной напряженности, точнее, в части традиционного построения цепочки *депривация — напряженность — недоверие — конфликт — протест*.

Даже предварительный анализ показал, что здесь исследователей поджидают неожиданности. С одной стороны, некоторые традиционные факторы подтвердили свою влияние. В частности интенсивность социальной напряженности достаточно четко дифференцировалась в региональном разрезе. Средняя оценка напряженности по десятибалльной шкале статистически значимо отличалась на Юге, где она составляла 7,35 балла, и на Донбассе¹, где этот показатель равнялся 6,46 балла (по выборке в целом он составлял 6,79 балла). Так же значимо отличалась оценка напряженности жителями сел, с одной стороны, и городов — с другой стороны. У крестьян она была ниже и равнялась 6,44 балла, а у горожан составляла 6,9 балла (причем независимо от величины населенного пункта). Тем не менее такие, вроде бы, существенные показатели, как возраст или образование, оказались вообще не связанными с оценкой напряженности (коэффициент корреляции Пирсона составлял соответственно 0,049 и 0,004).

Еще парадоксальнее выглядит отсутствие корреляции с показателями, которые должны были бы характеризовать уровень депривации респондентов если не в объективном, то хотя бы, в определенной мере, в объективированном измерении. В частности оказалось, что оценка уровня напряженности в обществе не коррелирует с величиной совокупного дохода на одного члена семьи за последний месяц (коэффициент корреляции Пирсона $-0,02$), а также с оценкой респондентами в процентном измерении части среднемесячного дохода, который их семья расходует на питание и на оплату коммунальных услуг (коэффициент корреляции Пирсона 0,08).

В то же время концепт “относительной депривации” Р.Гарра оказался весьма информативным. Оценка общественной напряженности хорошо коррелировала (коэффициент корреляции Пирсона 0,329) с оценкой респондентами меры собственного терпения, которая измерялась по шкале: 1 — все не так плохо, и можно жить; 2 — жить трудно, но можно терпеть и 3 — терпеть наше тяжелое положение уже невозможно.

Достаточно важным результатом можно считать то, что сомнению подверглось и довольно традиционное для исследователей социальной напряженности позиционирование этого феномена в настоящем времени, как

¹ Были опрошены жители Донецкой и Луганской областей на подконтрольных Украине территориях.

следствия несоответствия ожиданий реальному уровню удовлетворенности жизнью. Но оказалось, что оценка уровня социальной напряженности вообще не коррелирует (коэффициент корреляции Пирсона 0,065) с оценкой респондентами жизни их семьи сегодня (по десятибалльной шкале от 1 — “очень плохо” до 10 — “очень хорошо”). А вот с оценкой, которую по этой же шкале респонденты давали ожидаемой жизни своей семьи через 5 лет, связь была статистически значимой (коэффициент корреляции Пирсона 0,258). То есть источником напряженности выступает скорее не депривация как таковая, а ее угроза в будущем.

Основной линией напряженности в социально групповом контексте является классическая оппозиция народа и власти, что хорошо подтверждается значимыми отрицательными коэффициентами корреляции между оценкой уровня социальной напряженности и уровнем доверия к президенту (коэффициент корреляции Пирсона $-0,241$), Верховной Раде (коэффициент корреляции Пирсона $-0,226$), и правительству (коэффициент корреляции Пирсона $-0,230$).

Если вернуться к определению социальной напряженности, процитированному в начале, можно предположить, что логическим следствием роста негативных социальных настроений должна стать активизация протестной активности. Однако оказалось, что эти вещи связаны достаточно опосредованно. Между уровнем интенсивности оценки социальной напряженности и реальным участием респондентов в протестах за последний год вообще не обнаружено связи (коэффициент корреляции Пирсона $-0,004$), тогда как значимая, хоть и не слишком высокая корреляция зафиксирована между оценкой напряженности и готовностью респондентов принимать участие в протестах (коэффициент корреляции Пирсона 0,136). При этом корреляция между готовностью принимать участие в протестах и реальным участием в них уже значительно сильнее (коэффициент корреляции Пирсона 0,438). Таким образом, мы видим, что рост социальной напряженности выступает скорее не прямым фактором, а определенным ферментом, усиливающим потенциал протестной активности населения.

Итак, попытка расширения спектра традиционных “внутренних” субъективных показателей социальной напряженности с привлечением к анализу оценки со стороны самих субъектов “внешнего” для них состояния социальной напряженности позволила по-новому взглянуть как на факторы напряженности, так и на ее социальные последствия, подтвердить одни и подвергнуть сомнению другие теоретические предположения и сформулировать новые направления научного поиска в этом контексте.

АЛЕКСАНДР РЕЗНИК, доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института социологии НАН Украины

Протесты в Украине и экономическая дифференциация их направленности

Резкое снижение уровня жизни, рост преступности и отсутствие немедленных результатов от проведения реформ в “постреволюционный” период, безусловно, привели к усилению социальной напряженности в Украине, однако не вызвали серьезных массовых протестов. Собственно *теория жа-*

лоб (grievance theory) утверждает, что протестная активность возрастает среди тех, у кого доходы ниже. Люди не имеют возможности удовлетворять определенные жизненные потребности в достаточной мере в течение продолжительного времени. В результате этого усиливается чувство обиды, недовольств, пессимистических ожиданий, что приводит к возникновению социальной напряженности, а при определенных условиях — протестного поведения. Однако *теория относительной обездоленности (relative deprivation theory)* указывает на то, что социальный протест возникает в основном на фоне экономического улучшения. Повышение жизненного уровня приводит к росту уровня ожиданий. Эффект относительной обездоленности проявляется в момент, когда люди осознают разницу между существующим уровнем жизни и теми условиями, на которые, по их мнению, они могут реально претендовать. *Теория ресурсов (resource theory)* сосредоточена на роли ресурсов отдельных людей в их участии в протестах. Одним из таких ресурсов является доход, позволяющий индивиду активнее проявлять свою неудовлетворенность. Теория ресурсов предполагает, что рост неравенства будет уменьшать протестную активность среди бедных людей, но будет повышать ее среди более обеспеченных граждан, поскольку в их среде актуализируется требовательность в отношении широкого спектра социальных и политических проблем.

Таким образом, упомянутые выше объяснения указывают на то, что содержание актуальных проблем является ключевым в выделении экономической дифференциации социальной напряженности. Поскольку протесты выступают реальным воплощением социальной напряженности, целью анализа стало выяснение экономической дифференциации групп протестующих по содержанию направленности их недовольства. Речь идет об экономических, социальных или политических проблемах, реагирование на которые обнаруживает структурные различия социальной напряженности.

В опросе, проведенном Институтом социологии, респондентам задавали вопрос “В каких протестных мероприятиях Вы лично участвовали в течение последних 12 месяцев?” с соответствующим перечнем актуальных проблем (см. табл. 1). Сумма процентов превышает 100%, поскольку респондент мог выбрать несколько вариантов ответа. Общее количество людей, причастных к протестным мероприятиям, почти достигло 15%. Наиболее актуальной проблемой оказалось повышение тарифов на коммунальные услуги, против чего протестовали 8,7% взрослого населения. Остальные актуальные проблемы привлекли гораздо меньше участников протестов.

Таблица 1

**Распределение ответов населения Украины на вопрос
“В каких протестных мероприятиях Вы лично участвовали
в течение последних 12 месяцев?”**

Содержание протестных мероприятий	N	%
Против повышения тарифов на коммунальные услуги	157	8,7
Против торговли с неконтролируемыми Украиной территориями Донбасса	26	1,4
Защита своих трудовых прав, отстаивание прав на пенсионное обеспечение	65	3,6

Окончание табл. 1

Содержание протестных мероприятий	N	%
Против увольнения с работы в связи с закрытием предприятий или учреждений	39	2,2
Против недостаточного финансирования отрасли, в которой Вы работаете	28	1,6
За реструктуризацию валютных кредитов, возврат средств обанкротившихся учреждений	10	0,6
Противодействие эксплуатации объектов, опасных для здоровья людей	35	1,9
Противодействие незаконной застройке, строительным аферам	33	1,8
Протесты, связанные с требованиями объективного проведения следствия и справедливого судопроизводства	26	1,4
Протесты, связанные с необеспеченностью нормальных условий жизни в месте Вашего проживания (преодоление нехватки детских садов, школ, медицинских учреждений, создание и защита имеющихся зеленых зон, строительство и ремонт дорог и т.п.)	61	3,4
Протесты, связанные с вопиющими фактами коррупции в органах власти	36	2,0
Протесты, связанные с защитой гражданских прав и свобод	69	3,8
Другое	10	0,6
Ни в одном из таких мероприятий участия не принимал	1516	84,3

Для выяснения экономической дифференциации групп протестующих против определенной актуальной проблемы использовался показатель среднемесячного дохода. Среднее значение месячного дохода для населения Украины составляло 3264,6 грн. Сравнение средних значений месячного дохода протестующих против отдельных актуальных проблем выявило определенные различия (см. табл. 2).

Если взять перечень экономических проблем, то теория жалоб сработала в отношении против повышения тарифов, защиты своих трудовых прав, отстаивания прав в сфере пенсионного обеспечения и в случае увольнения с работы в связи с закрытием предприятий. Среднее значение месячных доходов людей, вовлеченных в протесты против этих проблем, оказалось ниже общенационального показателя. А среднемесячный доход тех, кто протестовал против недостаточного финансирования отрасли, в которой работает, или за реструктуризацию валютных кредитов и возврат средств обанкротившихся учреждений, напротив, оказался выше общенационального. То есть в первом случае на акции протеста вышли те, кого экономическое обеднение затрагивает непосредственно. Во втором случае протестное поведение имело превентивный характер, поскольку эти люди стали считать себя потенциально обездоленными.

Вовлеченность в протесты, касающиеся социальных проблем, также дифференцируется по уровню месячного дохода. Протесты, связанные с необеспеченностью нормальных условий жизни в месте проживания, свойственны людям с доходом ниже общенационального среднемесячного дохода. В то же время такие протестные мероприятия, как противодействие эксплуатации объектов, опасных для здоровья людей, и особенно противодействие незаконной застройке, строительным аферам, стали распространенными среди людей с доходом выше общенационального.

Таблица 2

**Среднее значение дохода участников протестов
против определенной актуальной проблемы, грн**

Содержание протестных мероприятий	Сумма
Против повышения тарифов на коммунальные услуги	3063,4
Против торговли с неконтролируемыми Украиной территориями Донбасса	3787,1
Защита своих трудовых прав, отстаивание прав на пенсионное обеспечение	3025,8
Против увольнения с работы в связи с закрытием предприятий или учреждений	3199,8
Против недостаточного финансирования отрасли, в которой Вы работаете	3835,2
За реструктуризацию валютных кредитов, возврат средств обанкротившихся учреждений	3843,7
Противодействие эксплуатации объектов, опасных для здоровья людей	3392,5
Противодействие незаконной застройке, строительным аферам	4552,0
Протесты, связанные с требованиями объективного проведения следствия и справедливого судопроизводства	4315,6
Протесты, связанные с необеспеченностью нормальных условий жизни в месте Вашего проживания (преодоление недостатка детских садов, школ, медицинских учреждений, создание и защита имеющихся зеленых зон, строительство и ремонт дорог и т.п.)	3023,1
Протесты, связанные с вопиющими фактами коррупции в органах власти	3317,1
Протесты, связанные с защитой гражданских прав и свобод	3634,2

Среднее значение месячных доходов людей, которые были вовлечены в протесты, связанные с политическими проблемами, в целом оказалось выше общенационального показателя. В первую очередь это касается протестов, связанных с требованиями объективного проведения следствия и справедливого судопроизводства. Среднее значение месячных доходов протестующих, которые выступили в защиту гражданских прав и свобод и против вопиющих фактов коррупции в органах власти, не намного, но все же превышало общенациональный показатель.

Таким образом, среди малообеспеченных слоев социальная напряженность возникает на почве фактической обездоленности, среди обеспеченных — на почве относительной или потенциальной обездоленности. Аналогично проявляется структуризация социальной напряженности в отношении социальных проблем. Нехватка объектов инфраструктуры как элементарных условий жизнедеятельности актуальна в большей степени для малообеспеченных слоев, поскольку для зажиточных людей существует альтернатива подобных услуг в частной сфере. А вот таких проблем, как эксплуатация объектов, опасных для здоровья людей, и незаконные застройки и строительные аферы, более обеспеченные люди не могут избежать путем привлечения альтернативных услуг, поскольку такие проблемы возникают в ареале их проживания, а смена местожительства неоправданна из практических соображений. И наконец, экономическая дифференциация участников протестов против политических проблем в очередной раз подтвердила теорию ресурсов, показав актуализацию такого типа проблем среди более обеспеченных слоев населения.

НИКОЛАЙ ШУЛЬГА, доктор социологических наук, член-корреспондент НАН Украины

Чем может закончиться общественная напряженность?

В условиях высокого уровня социальной напряженности происходят сбои в отношениях между социальными институтами и сообществами, нарушается согласованность интересов групп, общественная система разбалансовывается, в ней заостряются различия между социальными элементами, в общественном мнении непохожее начинает восприниматься как чужое и подозрительное. Растет недоверие ко всему отличному.

Параллельно с этими процессами в общественном сознании заостряется тема ценностного разнообразия, существующего в стране. Различия в общественных ценностях и ценностных ориентациях становятся линиями напряженности, а иногда и разлома населения на фрагменты. На этой почве образуются фронты противостояния, формируются латентные или открытые общественные конфликты.

Наше общество исторически формировалось как сложное в этническом, культурном, религиозном и языковом аспектах. В нем существуют четко выраженные региональные различия. На фоне кризисного состояния эти различия неоднократно становились предметом политических спекуляций. Благодаря этим разделением отдельным политикам удавалось противопоставлять разные части общества ради своих узких политических задач, особенно предвыборных. Подобные действия лишь оголяли скрытые болевые проблемы и в отдельных случаях делали их крайне острыми. Так становились более ярко выраженными те или иные аспекты разьединенности общества. Поэтому до сих пор сохраняется, а в чем-то даже растет дистанция между регионами, социальными группами. Дезинтегрированность общества ощущают и обычные граждане. Если по данным рассматриваемого в рамках этого круглого стола исследования 21% респондентов считают, что за годы независимости нашего государства между Востоком и Западом Украины происходило значительное сближение или некоторое сближение, то 41% отмечают значительное отдаление или некоторое отдаление. То есть за последние четыре года доля тех, кто усматривает отдаление между Востоком и Западом страны, возросла с 32,5% до 41%.

Углубляются и расширяются другие трещины и разделительные линии в обществе. Такие процессы вызывают тревогу, люди глубоко переживают возможность общественных конфликтов на почве культурно-ценностных, этнических различий граждан. 17% опрошенных опасаются межнациональных конфликтов, а 42% считают, что в современной Украине возможны конфликты между некоторыми этническими группами.

В ситуации существования общественных групп, имеющих кардинально отличные интересы, ценности, идеалы, этнокультурные традиции, нормы и т.п., невозможно добиться консенсуса по жизненно важным вопросам, если их взаимные реакции строятся на недоверии. Взаимная подозрительность формирует в обществе атмосферу взаимного неприятия даже между теми группами, различия между которыми несущественны. Сегодня в обществе слишком много недоверия, подозрительности и даже агрессивности. 38% респондентов заявили, что у них изредка бывает состояние, когда они

ощущают, что большинству людей нельзя доверять, а еще 38% опрошенных сказали, что у них такое состояние бывает периодически.

Об атмосфере недоверия, подозрительности, агрессивности, способной поражать все группы общества, даже те, которые не имеют принципиальных различий, писал Роберт Музиль в своем незаконченном произведении “Человек без свойств”: “Это основная черта культуры — что человек ощущает глубокое недоверие к человеку, живущему вне его собственного круга, что, получается, не только немец еврея, но и футболист пианиста считает существом непонятым и неполноценным”.

Несмотря на многочисленные различия между социальными группами, общество может успешно существовать и развиваться при условии сотрудничества людей как граждан единого государства, толерантного отношения к культурным, религиозным или языковым отличиям других людей. Это и является одним из ключевых условий мирной жизни нашего народа, предпосылкой выхода из кризисного состояния и перехода к нормальному, цивилизованному развитию страны. Именно здесь лежит путь к консолидации украинского общества.

Чтобы общество нормально существовало, нужны социальные механизмы, обеспечивающие повседневное взаимодействие между этими группами, в частности на принципах толерантности. В этих условиях одной из первоочередных задач, стоящих перед обществом, является осознание губительности атмосферы ксенофобии и концентрация усилий на формировании обстановки толерантности, признания права других групп на инаковость.

Условием воплощения толерантности в общественной атмосфере страны является формирование такого элемента в чувственно-эмоциональной сфере общественного сознания, как доверие между группами и индивидами, с одной стороны, и воспитание у граждан установки на безусловное соблюдение закона в своем поведении. Разумеется, это качество личности может проявляться лишь в таком обществе, где на уровне функционирования государственных и общественных институтов тоже господствует закон, где и для властей, и для граждан является неприемлемым нарушение закона, оправдываемое “революционной целесообразностью”, “революционной необходимостью”, “отсутствием альтернатив”, “единственно возможным выбором”. Общество должно стремиться к тому, чтобы в общественном мнении существовал иммунитет против подобного рода аргументов. Оно должно неуклонно стоять на позиции, согласно которой только закон открывает путь к публичным действиям, а тем более к изменению социальных институтов. В обществе должна быть сформирована убежденность, что оно будет сильным и устойчивым лишь тогда, когда будут существовать условия для высказывания различных мнений, в частности выражаемых группами, находящимися в социуме в меньшинстве. Однако ситуация со свободным выражением мнений в обществе в последние три года заметно ухудшилась. Если в 2013 году только 28% респондентов считали, что в Украине люди не могут свободно высказывать свои политические взгляды, то в 2017-м таких уже стало 37%. Сегодня лишь половина населения признает, что может свободно обозначить свою политическую позицию.

Высокая социальная напряженность в украинском обществе сохраняется многие годы. Кипение страстей в социуме поддерживается не только политическим напряжением, но и социальным (низкий размер пенсий, побо-

ры в медицине и образовании, низкий уровень медицинских услуг, развал материальной базы медицины, культуры, образования и науки, невозможность нормального решения текущих жизненных вопросов, связанных с обращением в государственные органы, и т.п.). Это все дополнительные факторы, поддерживающие котел страстей в кипящем состоянии.

Однако “крышку” котла может долго не сносить, ведь для взрыва нужен кумулятивный эффект. Кумуляцию протеста могут взять на себя средства массовой информации. Они способны осуществить массированную информационную атаку на население. Сегодня в обществе наиболее мощным институтом влияния на сознание личности являются средства массовой коммуникации. Эффект их влияния на личность превосходит влияние всех остальных традиционных социальных институтов — семьи, общины, церкви и т.п.

СМИ выступают наиболее мощным средством манипулирования общественным сознанием. Набор обсуждаемых проблем в текущий момент, повестку дня общественного сознания определяют СМИ. Если о проблеме, даже крайне важной, судьбоносной для социальной группы и даже всего социума, не говорят СМИ, общество ее не замечает. И этой модели функционирования общественного сознания в нынешнем обществе альтернативы пока нет.

Кроме того, средства массовой коммуникации выполняют еще одну очень важную и опасную функцию — они способны вполне объективные противоречия в обществе представлять как несправедливые, оскорбительные, формировать у широких масс негативные эмоции. На этой почве нарастает социальная напряженность, и СМИ способны еще больше ее заострить. Для этого имеется множество способов. Например, демагогия. Ее носители нередко спекулируют на общественных ожиданиях, которые стимулируют и разжигают политики-популисты и тиражируют и распространяют средства массовой коммуникации. Невозможность удовлетворить завышенные ожидания, на которые ориентируют людей политики, приводит к разочарованию, озлобленности, к дальнейшему усилению социальной напряженности в обществе.

Однако всплеск негодования, взрыв гнева населения может быть и произвольным, подобно результату внезапного возмутительного резонансного события (это может быть все что угодно: пожар в детском учреждении с жертвами, возникший из-за попустительства должностных лиц, пожар на складе боеприпасов со множеством потерпевших и значительным ущербом, нанесенным имуществу граждан, избивание людей в полицейском участке и т.п.). Тогда вспышка человеческих эмоций не просто срывает “крышку”, но и вдребезги разносит весь общественный котел.

То есть текущая социальная напряженность в нашем обществе чрезвычайно высока. Это создает огромные риски для общественной стабильности. Но спрогнозировать, каким образом и благодаря каким процессам напряженность снизится и войдет в норму, практически невозможно. Это будет зависеть от способности государственных управленцев высокого ранга к взвешенной и ответственной позиции в социальной политике и политике в отношении различных групп украинского общества. Чем примитивнее будут политические решения, тем выше будет вероятность случайного социального взрыва.